

Людмила Шарга

Только в настоящем и будущем

Вчерашний день выровнял проливной дождь, смыл тяжесть прощания, слова сказанные и несказанные, взгляды открытые и растерянные, беглые и мимолетные, прибил опадающий цвет софоры к мокрой мостовой, напоил умирающие розы и уступил место небывалому закату и радуге над городом, над морем, на миром, который стремится к гармонии вопреки всем разрушениям, бедствиям, лишениям и утратам, постигшим нашу землю, нашу маленькую страну, наш прекрасный город.

Слово «ушел», прочитанное и услышанное тысячу раз за сутки, потеряло свинцовую свою тяжесть, стало легким и летящим облаком над тихой моей Кузнечной.

Слово «был» и вовсе исчезло в бронзовеющей связке «каким он был».

Невозможно о нем в прошедшем времени, только в настоящем и в будущем.

Не хочется писать очередной слезоточивый post о том, каким он был, напишу, каким он не был.

Не был лицом официальным и статусным, хотя по праву почетного гражданина города мог бы пользоваться этим статусом, но напыщенности и важности не напускал и не допускал. Не любил пафос и длинных торжественных речей. Не был ханжой и трусом, говорил то, что думает, писал то, что думает. Не был подлецом и беглецом, оставался в родном городе до последней минуты, как бы трудно и тяжело ни было. Не старался быть приятным во всех отношениях, не старался угодить. Не пел дифирамбов, не раздавал авансы, но слышал и замечал, выделял и отмечал на-

стоящее. Не был двурушником, не переобувался в спешке на лету, на бегу, на ходу. Любил жизнь, и жизнь любила его.

«Людочка, вы написали хорошую нужную книгу о военных днях и ночах города. После войны обязательно встретимся и выпьем за победу...»

«Людочка! Надеюсь, что все выдержим, не дадим себя сломать. Радости бы побольше. А вам – пишите стихи. Это навсегда. И это то, что мы сможем предъявить как сделанное при нас, для нас и с нами. Обнимаю. Жду новую подборку стихов для альманаха».

«Людочка, будьте счастливы. Старайтесь изо всех сил. Вы очень нужны тут и сейчас».

Мы встречались и до войны, и во время войны.

Война оказалась дольше жизни.

Перечитываю эссе, которое с его разрешения станет предисловием к моему сборнику стихов, и понимаю, что в неоплатном долгу перед ним. Но я успела сказать «спасибо» и «люблю». Слова, на которых держится мир. Слова, которые каждый должен произнести хоть раз в жизни, а если повезет, то и услышать хоть раз. Я не о дежурной вежливости, нет. Об искренности и благодарности.

И о том, что слова «был и ушел» не имеют к нему никакого отношения как к человеку настоящего времени.

Им столько написано, сказано, а главное – сделано для города, да и сам он давно часть этого города, плоть от плоти. Свет его со мной, с нами и в нас.

На книжных полках моих живут книги, подаренные им. Написанные им. Собранные им альманахи, сборники.

С его легкой руки в них есть и мои публикации.

Мир стремится к созиданию. К гармонии.

Вокруг витают звуки и слова, ничего не значащие, разрозненные, случайные.

Несколько звуков услышатся и запишутся в необходимой последовательности. Необходимой для рождения музыки. Для гармонии.

Несколько разрозненных слов станут поэзией, если их услышит и запишет поэт.

Разных людей может объединить лишь человек, наделенный особым тончайшим слухом, чутьем и даром созидания.

Таким запомнился мне Евгений Михайлович Голубовский.
Не говорю: был, как и полагается о настоящих людях и одесситах – только в настоящем времени.

Живем дальше – этими словами он заканчивал многие свои дневниковые записи и публикации.

И всегда в настоящем времени.

Помню. Люблю. Благодарю. Пишу, а стало быть – живу.

Живу дальше.

*

Евгению Голубовскому...

Спрошу первого встречного:

– Что для тебя Одесса?

Первый встречный ответит:

– Море.

Голос подхватит ветер и наполнит синий парус.

Спрошу второго встречного:

– Что для тебя Одесса?

– Молдаванка, – улыбнется второй встречный, открывая ворота, за которыми прячется маленький дворик с вишнями и абрикосами.

– Что для тебя Одесса? – спрошу третьего встречного.

– Собор. Воронцов. Пушкин. Бульвар. Лестница... – взволнуется третий встречный, взмахнет руками, и над городом встанет радуга – от края земли до края моря.

– Что для тебя Одесса? – спрошу четвертого встречного.

– Старое кладбище. Вокзал. Куликово поле, – вздохнет четвертый встречный, и грусть его прольется на город теплым летним дождем.

– Что для тебя Одесса? – спрошу пятого встречного.

– Люди, – ответит пятый и поведет меня через Соборную площадь мимо Собора, дома Руссова, Воронцова, через Пассаж – по Дерibasовской, через Горсад – на Бульвар – к Пушкину, и по Лестнице – к морю.

Пятый встречный расскажет о людях, живших когда-то в домах с кариатидами и атлантами, маскаронами и грифонами, и незаметно исчезнет в одном из них, в парадной с надписью Salve или Привѣтъ.

Вернусь на узкую улочку, к воротам старого дворика, и первый встречный спросит меня: «Что для тебя Одесса?».

И я отвечу:

– Море. Дворики. Люди.

Каждый входящий в город, будь счастлив.

Salve!

